

И. А. БАТМАНОВ

ЧАСТИ РЕЧИ В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Киргизский язык получил литературное оформление только после Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с созданием школы с обучением на родном языке возникла необходимость создания учебников, усиления переводческой работы, разработки словарей и различных пособий по киргизскому языку. Был накоплен и систематизирован значительный материал по киргизской лексике, грамматике и диалектологии и сделан ряд теоретических выводов и обобщений с учетом наблюдений и отдельных теоретических положений, сформулированных в трудах наших отечественных тюркологов (В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова, П. М. Мелиоранского и др.).

Однако под влиянием антинаучных взглядов Н. Я. Марра многие вопросы киргизского языкознания решались неверно. Недооценка роли и значения грамматики «новым учением о языке привела к тому, что и в Киргизии вопросам составления киргизской грамматики не уделялось должного внимания, в результате чего до сих пор мы не имеем еще детального научного описания киргизского языка.

Школа была обеспечена учебниками по родному языку. Но многие положения, сформулированные в них, нуждаются в пересмотре и уточнении. Назрел вопрос о создании учебников по теоретическому курсу родного языка для вузов республики. Должны быть пересмотрены и многие теоретические положения в области изучения киргизского языка, выдвигавшиеся до дискуссии по вопросам языкознания.

После выхода в свет трудов И. В. Сталина о языке советские языковеды имеют возможность разрабатывать вопросы общего и частного языкознания на подлинно научной основе. Как показал И. В. Сталин, «...грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики»¹. В связи с этим разработка лексики и грамматики, наряду с разрешением и других вопросов, приобретает сейчас большое значение. Грамматика восстановлена в своих правах, и советский читатель ждет от языковедов полноценных трудов по всем разделам науки о языке.

Составление описательных грамматик любого из языков связано с решением ряда методологических и методических вопросов. Без коллективного предварительного обсуждения принципов построения грамматики она не может быть создана в короткий срок и на надлежащем научном уровне. Одним из стержневых вопросов описательной грамматики является вопрос о классификации частей речи. К сожалению, до сего времени он не нашел своего завершения на материале тюркских языков.

В принципах выделения в составе знаменательных слов имен и глаголов не было больших расхождений у авторов грамматик тюркских язы-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 26.

ков, составленных в XIX и начале XX в. Сложнее решался вопрос о подклассах в составе этих двух разрядов слов (существительных и прилагательных, местоимений, числительных; причастий и деепричастий и т. п.), не получила четкой характеристики категория так называемых служебных слов, к которой относились и наречия, и частицы, и союзы, и существительные с дефективным склонением.

Такое расхождение в системе классификации частей речи тюркских языков у различных авторов объясняется тем, что одни рассматривали части речи лишь как лексические разряды слов, другие больше обращали внимание на типы словообразования и словоизменения, четко не выделяя лексические особенности и стирая грани между частями речи. А между тем части речи в тюркских языках содержат одновременно лексические и грамматические значения, а потому и должны рассматриваться как лексико-грамматические категории.

Попытки пересмотра и построения классификации частей речи тюркских языков делаются периодически, но до логического конца пока не доведены. Следствием этого является расхождение в построении современных грамматик родственных тюркских языков, обладающих общими грамматическими свойствами, а также и известные противоречия в изложении фактов при преподавании родного языка¹.

Главной причиной, затрудняющей решение этой проблемы, является неудачный выбор критериев, на основе которых устанавливаются грани между частями речи. Как известно, корневые слова в алтайских языках, относящиеся к различным частям речи, не имеют окончаний, а потому и не содержат формальных признаков, на основе которых можно судить о принадлежности такого изолированно взятого слова к тому или иному разряду. Ср. киргизские созвучные корневые слова: *чач* «волосы» и *чач-«сеять»*, *бол* «будь» и *бал* «мед» или корневое *суу* «вода» и производное *алуу* «брать» и т. п.

Наоборот, судя по морфологическому составу производной основы, легко отнести ее к той или иной части речи. Так, аффикс *-луу* образует прилагательные (*суулуу* «обильный водой»), *-тып* — деепричастия и т. п.

Лексика алтайских языков обладает большой гибкостью: одно и то же слово в зависимости от сочетания с другими может выступать в значении существительного, выполнять функцию прилагательного (соответствовать по значению прилагательному) и в отдельных случаях — наречия (см. ниже). Поэтому, рассматривая слова только в зависимости от контекста или от их места в предложении, нельзя установить их основное значение².

Одна и та же часть речи может выступать в предложении в роли различных его членов, а потому синтаксические функции слов не могут учитываться как основной критерий для определения части речи.

Под влиянием «нового учения» о языке при построении описательных грамматик делалась попытка подменить морфологию синтаксисом, при рассмотрении вопроса о частях речи делался упор на их синтаксические функции, а не на морфологические показатели, отыскивались следы диффузности и пережитки доисторических явлений вместо детального изучения фактов. Поэтому при решении вопроса о частях речи на первый план выдвигались синтаксический критерий или смысловые эквиваленты рас-

¹ Об этом см. статью: А. Исканов, О классификации частей речи в казахском языке, сб. «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке», Ташкент, 1952.

² Это положение усугубляется еще и распространенным явлением омоимии. Например: *коч* «кочуй» и *коч* «кочевье», *той* «насыщающаяся» и *той* «пир».

смаатриваемых слов, тогда как семантическая характеристика слова оказывается столь же подвижной, как и его синтаксические функции. При таком подходе слово как бы переливается из одной части речи в другую, перестает быть самим собой, и невозможно решить, к какой же части речи оно относится. Ср. кирг. *баш* «голова» (существительное), *башма-баш* «голова на голову» (с наречной функцией), *айнек* «стекло», *айнек идиш* «стеклянная посуда (посуда из стекла)», *айнек заводу* «стеклянный завод», *оңой жумуш* «легкая работа», *айтууга оңой*, *кылууга кыйын* «сказать легко, (да) сделать трудно»¹.

В русском языке отдельные части речи могут быть охарактеризованы системой словоизменения (существительные изменяются по падежам и числам, прилагательные — по родам, числам, падежам, а качественные — и по степеням сравнения и т. п.). В тюркских же языках этот признак не может быть принят за основу, так как в них при известных условиях различные части речи могут сочетаться с одними и теми же словоизменительными аффиксами.

Так, существительные, оказываясь в роли сказуемого, сочетаются с аффиксами спряжения, которые присущи ряду глагольных образований. Ср.: *мен окуучумун* «я ученик», *мен окуймун* «я учусь» и т. п.

Более надежным критерием для установления принадлежности слов к той или иной части речи является их способность (или невозможность) сочетаться с типичными для нее словообразовательными и лишь некоторыми словоизменительными аффиксами². Этот признак и необходимо принять за основу, учитывая при этом возможности словоизменения и различные функции данного корневого слова в предложении. Так, имена не могут сочетаться непосредственно с глагольными аффиксами, например, *-ды*, *-ган*, *-ар* и др., с формами залогов и т. п., но к ним, в отличие от глаголов, непосредственно могут присоединяться аффиксы *-лык*, *-луу*, *-сыз*, аффикс мн. числа *-лар* и притяжательные аффиксы. Качественным прилагательным присущи образования степеней сравнения и интенсификация по типу *канкара* «черный-черный», что не свойственно существительным. От числительных образуются порядковые, дробные и, с ограничением (до семи), собирательные. Местоимения сочетаются лишь с определенным кругом аффиксов и имеют свои особенности склонения и т. п. В то же время глагольные корни не могут непосредственно сочетаться с падежными и притяжательными аффиксами, как и с аффиксом *-лар*.

Если исходить из этого критерия, то слова типа *коч* «1) кочуй, 2) кочевье» не могут рассматриваться как относящиеся к одной части речи. Корень *коч*, сочетающийся с аффиксом *-ман* (присоединяется к именам) или с аффиксами падежей, относится к существительным («кочевье»); корень же *коч*, сочетающийся, например, с аффиксом *-ган* (присоединяется к глаголам), относится к глаголам («кочуй»). В данном случае, следовательно, мы имеем дело с омонимами, принадлежащими к разным частям речи.

*

Значительную трудность в решении вопроса о частях речи составляет установление граней между существительными и относительными прилагательными, что стало предметом особенно широкого обсуждения за последние годы.

¹ Примеры взяты из «Киргизско-русского словаря» К. К. Юдахина (М., 1949).

² Судя по хроникальному сообщению, эта точка зрения была высказана Н. К. Дмитриевым на Совещании по вопросам составления описательных грамматик, лексикографии и диалектологии (см. ВЯ, 1953, № 5, стр. 122—123).

Известно, что определенная группа существительных, выражающих название материала, формы или вида, выступая в качестве определения к другим предметным именам существительным, по своей функции как бы соответствует прилагательным. Ср. кирг.: *темир жол*¹ «железная дорога» (*темир* «железо», *жол* «дорога»), *жыгач устөл* «деревянный стол» (*жыгач* «дерево», *устөл* «стол»), *таш көмүр* «каменный уголь» (*таш* «камень», *көмүр* «уголь»), *ай балта* «топор в форме полумесяца, т. е. секира» (*ай* «луна, месяц», *балта* «топор») и т. п. Такие словосочетания построены по принципу примыкания, без грамматического оформления их частей (первый тип изафета).

Вместе с этим в ряде случаев в качестве определения к предметным существительным могут выступать также и предметные имена, что видно из следующих примеров: *төө тикен* «верблюжья колючка» (*төө* «верблюд», *тикен* «колючка»), *мектеп үйү* «школьное здание» (*мектеп* «школа», *үй* «дом, здание», *үйү* «ее, его здание»), т. е. здание школьного типа, *баатыр жомогу* «богатырский эпос» (*баатыр* «богатырь», *жомок* «эпос, былина», *жомогу* «его былина»), *тоо өнөр жайы* «горная промышленность» (*тоо* «гора», *өнөр* «ремесло, умение, промышленность», *жай* «место, заведение, предприятие», *жайы* «его предприятие») и мн. др.

В таком типе определительных сочетаний первый компонент не имеет специального оформления, а второй обычно сочетается с притяжательным аффиксом 3-го лица (-ы, -и, -у, -ү, -сы, -си, -су, -сү).

Подобные имена, обладающие способностью в одних случаях обозначать предмет, а в других признак, названы Н. К. Дмитриевым «существительно-прилагательными»². Опираясь преимущественно на материалы монгольских и учитывая особенности тюркских языков, Г. Д. Санжеев в составе частей речи выделил «предметные имена» (кроме существительных), которые «... в своем синтаксическом употреблении одинаково соответствуют такого рода именам существительным и прилагательным...»³.

Намечая границы «предметных имен» для алтайских языков, Г. Д. Санжеев полагает, что они образуют изафет первого типа⁴. Но этот признак в киргизском языке (да и в других тюркских языках) характеризует такие «предметные имена» лишь отчасти, так как они могут входить в качестве компонента и во второй, и в третий типы изафета. Выше уже приводились примеры (*мектеп үйү*, *баатыр жомогу*, *тоо өнөр жайы*), которые иллюстрируют не первый, а второй тип изафета.

Мало того, каждый из рассматриваемых компонентов при известных условиях может войти и в состав изафета третьего типа (с оформленным родительным падежом, или, иначе, падежом принадлежности). Ср.: 1) *мектеп үйү* «школьное здание», *мектептин үйү* «здание (конкретной) школы»; *тоо сагыз май* «сагыз (каучуконос)», *тоо өнөр жайы* «горная промышленность», *тоонун чокусу* «вершина (конкретной) горы» и т. п.

Таким образом, на основе указанного признака не представляется возможным установить четкие грани между «предметными именами» и

¹ По нормам киргизской орфографии буквой *ж* обозначается аффриката *дж*.

² См. Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М. — Л., 1948, стр. 81.

³ Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1953, стр. 124.

⁴ См. Г. Д. Санжеев, К проблеме частей речи в алтайских языках, ВЯ, 1952, № 6, стр. 87.

именами существительными. Из примеров видно, что, наряду с такими именами, которые образуют лишь первый тип изафета, и другие имена могут выступать для обозначения признака предметов, т. е. с функцией прилагательных. Следовательно, по морфологическим признакам в данном случае нет разницы между «предметными именами» и существительными.

С другой стороны, выражая признак предмета, рассматриваемые имена, входя в состав изафета второго типа, не повторяют грамматических признаков прилагательных, при которых определяемое существительное не имеет притяжательного аффикса. Хотя такие имена и выполняют функцию определений, однако они остаются все же существительными, так как не могут сочетаться с какими-либо формантами, не присущими существительным.

Надо полагать, что во всех подобных случаях определение остается выраженным существительным, и едва ли есть необходимость в грамматиках тюркских языков выделять как особую часть речи «предметные имена».

Подобно тому как во многих языках прилагательные имеют способность субстантивироваться и выполнять функцию наречий, так и существительные могут выполнять функцию прилагательных, о чем должно быть дано надлежащее разъяснение в соответствующем разделе грамматики, равно как следует указать, что часть существительных может употребляться в значении служебных слов (см. ниже). Между прочим, характеризуя существительные, необходимо подробно остановиться также на вопросе об одушевленности и дефинитивности.

В киргизском, как и в других тюркских языках, в составе одушевленных имен (с постановкой вопроса *ким?* «кто?») выделяются имена людей и некоторых «высших», по архаичным представлениям, мифических существ. К другим одушевленным ставится вопрос *эмне?* «что?» Кроме того, сочетания других частей речи с любыми одушевленными именами связаны с особенностями их грамматического оформления и смысловыми изменениями, а именно: так называемые причастия на *-ган* перед одушевленными именами выступают в значении действительного, а перед остальными — страдательного залога. Ср.: *келген киши* «пришедший человек», *мен келген айыл* «аул, в который я приходил», *жазган киши* «писавший человек», *жазган кат* «написанное письмо» и т. п.

С одушевленными существительными, к которым ставится вопрос *ким?*, согласуется в числе сказуемое. Ср.: *адамдар келишти* «пришли люди»¹, но *аттар келди* «пришли лошади» и т. п.

С понятием дефинитивности, как известно, связано оформление родительного и винительного падежей. Ср.: *бу колхоз короосу* «это колхозный двор», *бу колхоздун короосу* «двор этого колхоза»; *кой эти* «баранина», *бу койдун эти* «мясо этого барана»; *мен дайыма китеп окуймун* «я всегда читаю книги», *мен бу китепти окубадым* «я не читал этой книги» и т. п.

Попутно следует отметить, что при лексической характеристике существительных небесполезно сообщить хотя бы краткие сведения о категориях мужского и женского рода, выражаемых в тюркских языках при помощи лексических средств (ср.: *кыз бала* «девочка», *эркек бала* «мальчик» и т. п.). Разъяснение по этому вопросу часто приходится давать на занятиях по русскому языку в киргизской аудитории и при установлении принципов перевода с русского языка на киргизский имен женского ро-

¹ Аффикс *-ыш* выступает при глаголах в киргизском языке в качестве показателя множественного числа вместо аффикса *-лар*. Узб. *келдилар* = кирг. *келишти*.

да. Ср.: «женщина-врач» *доктур аял* (но *доктур аялы* «жена врача»), «трактористка» *тракторчу аял* (но *тракторчуну аялы* «жена тракториста»). Впрочем довольно часто в киргизском языке встречается и *трактористка*, и *комсомолка* и т. п.).

*

Наряду с тем, что существительные способны выполнять функцию прилагательных, прилагательные, также обладая большой гибкостью, могут субстантивироваться и выполнять функцию наречий.

Подлежащая масса корневых прилагательных киргизского языка принадлежит к категории качественных. Что же касается относительных прилагательных, то они представлены либо небольшим числом заимствованных имен (*адабий* «литературный», *бейтаалай* «несчастный» и др.), либо производными именами (*шардык* = *шаар* + *лык* «гордской», *жердик* = *жер* + *лык* «местный», *тордуу* = *тор* + *луу* «решетчатый», *уятсыз* = *уят* + *сыз* «бесчестный, бесстыдный» и т. п.).

Некоторые (единичные!) качественные прилагательные легко субстантивируются. Ср.: *сары* «желтый», *жумуртканын сарысы* «желток яйца»; *ак* «белый», *көздүн агы* «белок глаза» и т. п. Субстантивируются прилагательные чаще в тех случаях, когда они заменяют пропущенный член предложения, к которому относились: *ал бозго чеп берди* «он дал сена серому (коню)» и т. п. Или: *жакшынын өзү өлсө да, сөзү өлбөйт* «хороший умирает, но слово его не умрет»¹ (здесь пропущено *кыши* «человек»).

По признакам семантической и синтаксической характеристики Н.К. Дмитриев в составе прилагательных выделил «прилагательно-существительные» [ср. башк. *карт* «1) старый, 2) старик»] и «прилагательно-существительные-наречия» [ср. башк. *яман* «1) плохой, 2) негодий, 3) плохо»]. В киргизском языке также наблюдаются в единичных случаях подобные явления. Ср.: *жакшы* «хороший», *жакшы жазат* «хорошо пишет», *жакшылар* «знать, аристократия». Омонимия типа *көк* «1) небо, 2) голубой» в подобных случаях не может быть принята в расчет.

Как в башкирском, так и в киргизском языке такие слова остаются прилагательными, независимо от своей синтаксической функции. Г.Д. Санжеев подобные слова относит к «качественным именам»². Однако эти «качественные имена» в киргизском языке, взятые изолированно, сохраняют способность сочетаться только с таким словообразовательным аффиксом, который присущ прилагательным (*-раак, рээк, -роок, -роок*), но не существительным, оставаясь, таким образом, прилагательными, независимо от своей синтаксической функции.

Не все качественные прилагательные способны выполнять функцию существительных и наречий. Так, прилагательные *кызыл* «красный», *сары* «желтый», *жашыл* «зеленый», *курч* «острый» и многие другие, обозначающие цвет, форму и некоторые физические признаки, не могут выступать с наречной функцией. Наоборот, с этой функцией выступает определенная группа прилагательных, вроде *жакшы* «хороший», *бат, тез* «быстрый» и т. п., обозначающих внутренние свойства предмета. Эти «качественные имена» не имеют своих специфических морфологических признаков, а потому и нет оснований для выделения их в особую часть речи.

Таким образом, в составе прилагательных могут быть выделены следующие типы и подтипы:

¹ К. К. Ю д а х и н, Киргизско-русский словарь, стр. 162.

² См. Г. Д. С а н ж е е в, Сравнительная грамматика монгольских языков, I, стр. 125.

1. Качественные прилагательные:

1. Собственно качественные прилагательные, выполняющие функции приименного определения и (в отдельных случаях) субстантивирующуюся.

2. Качественно-обстоятельственные прилагательные, способные выступать и для характеристики признака действия, т. е. с наречной функцией.

II. Относительные прилагательные.

*

Рассматривая высказывания А. И. Исакова о частях речи казахского языка, авторы статьи «Вопросы составления описательных грамматик» пишут: «В качественном прилагательном, выступающем в роли обстоятельства, непременно хотят видеть наречие, которое либо „еще не дифференцировано от имен прилагательных“, либо является „результатом адвербиализации прилагательного“. Ни к тому, ни к другому объяснению не нужно было бы прибегать, если бы исследователи признали тот несомненный факт, что некоторые имена прилагательные в тюркских языках обладают весьма широкими синтаксическими функциями»¹.

Способность почти каждой части речи в тюркских языках выполнять различные синтаксические функции не вызывает никаких сомнений, однако, надо полагать,* прилагательные выступают в роли обстоятельств (не становясь наречием) отнюдь не в зависимости от своей синтаксической функции (т. е. места в предложении), а лишь благодаря сочетанию с определенным разрядом слов. Так, прилагательное при существительных выступает в своем основном значении, при глаголе выполняет функцию обстоятельства, перед прилагательным (в качестве его определения) не употребляется. Существительные при существительных выступают с атрибутивной функцией (*темир жол*), при глаголе — либо в роли имени, либо в роли наречия и т. п.

*

Ни у кого из авторов современных грамматик тюркских языков не вызывает сомнения возможность выделения таких частей речи, как числительные и местоимения. В составе числительных выделяются для киргизского языка количественные, дробные, порядковые, собирательные (типа *экөө* «двое, вдвоем», *бешөө* «пятеро, пятером» и т. п.) и приблизительные (типа *ончо* «с десять, приблизительно десять, около десяти»). Штучные числительные (типа узбекских *битта* «одна штука», *иккита* «две штуки» и т. п.) не находят своего грамматического выражения в литературном киргизском языке и его северных говорах.

Несмотря на то, что все тюркологи единодушно выделяют местоимения как самостоятельную часть речи, в вопросе о классификации типов местоимений обнаруживаются некоторые расхождения.

Так, узб. *ўзи*² (кирг. *өзү* «он сам») А. Н. Кононов отнес к возвратным местоимениям, Н. П. Дыренкова шорск. *позу, позы* (соответствующее узб. *ўзи*) отнесла к лично-возвратным и определительно-притяжательным³.

¹ ВЯ, 1953, № 4, стр. 12.

² А. Н. Кононов, Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, стр. 128.

³ Н. П. Дыренкова, Грамматика шорского языка, М.—Л., 1941, стр. 97.

Н. К. Дмитриев вполне обоснованно считал эти местоимения определительными¹.

Н. А. Баскаков выделяет четыре основные группы местоимений: 1) личные и лично-притяжательные; 2) указательные и указательно-притяжательные; 3) определительные и 4) вопросительные, неопределенные, отрицательные местоимения. Внутри этих групп выделяются подклассы: а) атрибутивно-определительные; б) субстантивные; в) атрибутивно-обстоятельственные².

Но эту классификацию для практических руководств можно было бы несколько упростить, не выделяя особых подклассов с образованием на *-ныкы* (ср. *меники* «то, что принадлежит мне»). Это уже производная форма, которая образуется не только от личных местоимений, но и от существительных). Едва ли необходимо в числе местоимений выделять лично-притяжательные атрибутивные (типа каракалпакск. *менинге* «мой», *меникинине* «принадлежащий моим» и т. п.), так как они составлены из основы и словоизменительного, а не словообразовательного аффикса и выступают лишь в словосочетаниях.

В описательной грамматике киргизского языка могут быть выделены такие группы местоимений: личные, указательные, притяжательные, определительные, неопределенные, вопросительные, отрицательные. Что касается *өз*, то оно должно быть отнесено к числу определительных, а не возвратных местоимений.

*

Несмотря на то, что в тюркологической литературе вопрос о существовании наречий давно был решен положительно, эта часть речи нашла свое отражение в школьной грамматике киргизского языка лишь недавно, с выделением в ее составе четырех подклассов: наречий времени, места, образа действия, меры и числа. Наряду с наречиями, в школьных грамматиках киргизского языка выделены также служебные слова, охватывающие несколько разнородных групп, не связанных между собою ни по форме, ни по значению. Сюда вошли и частица *го* «ведь», послелоги *чейин* «после», *мурда* «раньше», отрицания (*жок*, *эмес*, *эч*), такие слова, как *албетте* «конечно», *ооба* «да» и т. д.

В то же время в тюркологической литературе введено понятие о служебных словах³ и послелогах.

Служебные слова, выражающие пространственные отношения, относятся к существительным с дефективным или суживающимся типом склонения (*жанында* «около, сбоку», *устундо* «на поверхности», *алдында* «под, внизу» и т. п.), так как при употреблении их в служебном значении формы родительного и винительного падежей не образуются, а сами служебные имена в большинстве случаев употребляются в сочетании с притяжательным аффиксом 3-го лица, входя в состав определительного сочетания (*уйдун жанында* «около дома», *столдун устундо* «на столе, на поверхности стола» и т. п.).

В отличие от таких служебных имен Н. К. Дмитриев относил к послелогам неизменяемые слова, которые выражают отношения между предметами и управляют падежами имен⁴, например, *менэн* (кирг. *менен*) «с», *башка* «другой, кроме», *элгере* (кирг. *илгери*) «прежде» и т. п.

¹ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, стр. 105.

² См. Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, т. II, ч. 1, М.—Л., 1952.

³ См. Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940, стр. 184.

⁴ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, стр. 120—127.

В большинстве грамматик тюркских языков выделяется категория наречий, и в то же время послелого рассматриваются как одна из частей речи, а между тем, если сравнить конкретный лексический состав этих двух частей речи, то нетрудно обнаружить, что они перекрещиваются между собой. Так, в работе Н. А. Баскакова «Каракалпакский язык» (II, ч. 1) на стр. 483 находим в составе «собственно послелогов» *сонъ, кейин* (кирг. *соң, кийин*) «после», а далее (на стр. 484) в числе «послелогов — изолированных форм имен прилагательных, наречий, числительных и местоимений» дано слово *бурун* (кирг. *мурун*) «прежде, перед», которое в киргизском языке с точки зрения грамматической функции не отличается от предыдущих. В «Грамматике узбекского языка» А. Н. Кононова послелого и служебные имена в большей мере рассматриваются как подкласс существительных¹. Н. П. Дыренкова в своей обстоятельной «Грамматике шорского языка» совершенно правильно выделила группу «послелогов-наречий», например *неере* (кирг. *бери*) «сюда, по эту сторону», *аара* (кирг. *нары*) «по ту сторону» и др.

В изложении особенностей монгольских языков тоже обнаруживается стремление рассматривать часть послелогов как разновидность наречия, оперируя и термином «наречие-послелог»².

Интересно отметить, что, несмотря на четкую и прямолинейную постановку вопроса о частях речи в казахском языке, А. И. Искаков даже и не упоминает о послелогох³. Не выделены послелого как самостоятельная часть речи и в работе Л. Н. Харитоновой «Современный якутский язык», ч. 1 (Якутск, 1947), а служебные имена рассматриваются им как один из подклассов существительных.

В грамматиках, где выделяются послелого, к ним отнесены самые разнообразные разряды слов, не связанные между собой и повторяющиеся в характеристиках других частей речи. В этом случае послелого выступают скорее как какая-то надстройка над другими частями речи. В самом деле, к послелогам относят существительные с дефективным склонением (см. выше), относят ряд слов, которые повторяются и в числе наречий, и в числе глаголов (деепричастия типа киргизских *карай* «смотря на то, по направлению к...», *көздөй* «держа направление на...» и др.).

Нуждается в пересмотре и вопрос о том, что послелого образуют окостеневшую часть речи. Так, *мурун* или *мурда* «раньше» (как и *илгери, кийин* и др.) в одних случаях, утрачивая свое основное значение и выступая в роли послелога, как будто бы подходит под указанное определение: *баарынан мурда* «прежде всех». Однако можно найти и самостоятельное значение его: *мурда күчү* «позавчера, третьего дня» и *мурдагы* «прежний»⁴. Или вот «две» функции послелога *кийин* «после, затем, впоследствии»: *беш күндөн кийин* «через пять дней» (послелог), *кийин кал* «останься позади» (явное наречие), *кийинтен* «за, вслед» (сочетается со словоизменительной формой, т. е. с формой исходного падежа), *кийинки* «последний, задний», *кийинчерээк* «несколько позже»⁵ и т. п. Подобные же особенности обнаруживаются и у других послелогов.

Таким образом, понятие послелога включает в себя ряд других частей речи и, наоборот, в составе различных частей речи могут быть выделены слова, употребляющиеся в качестве послелогов. Едва ли при

¹ См. А. Н. Кононов, указ. соч., стр. 54.

² См., например, Г. Д. Саянжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, стр. 235, 236 и др.

³ См. А. И. Искаков, О классификации частей речи в казахском языке, стр. 129—133.

⁴ К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, стр. 307.

⁵ Там же, стр. 261.

таких условиях послелогои могут рассматриваться как особая часть речи. В тюркских (да, очевидно, и в монгольских) языках они в большей степени выступают в качестве грамматического средства, опирающегося на лексический материал существительных, наречий и (в некоторой степени) глаголов, подобно тому как в числе грамматических средств тюркских языков используется порядок слов (так называемый синтаксический способ словообразования), также опирающийся на использование слов, принадлежащих к определенным частям речи. Если стать на эту точку зрения, то «собственно послелогои» следует рассматривать в составе наречий, служебные имена — в составе существительных и т. п.

При таком условии наречия складываются из следующих групп слов:

1. Наречия, имеющие свободное размещение в предложении, выполняющие роль самостоятельных членов предложения (*азыр* «теперь, сейчас», *бүгүн* «сегодня», *кече* «вчера», *быыл* «в этом году» и мн. др.).
2. Наречия, употребляющиеся перед именами, к которым они относятся (усилительные наречия типа *өтө*, *абдан*, *эн* «очень»).
3. Наречия, употребляющиеся после имен, к которым они относятся (*кийин* «потом», *илгери* «раньше», *чейин* «до» и мн. др.)¹.

*

В школьной грамматике киргизского языка выделяется среди других частей речи группа «жардамчы сөздөр» — служебные (вспомогательные) слова, — состоящая, наряду с наречиями, и из модальных слов. Вопрос о выделении таких модальных слов в особую часть речи четко поставлен рядом исследователей тюркских языков. Такие слова, как *албетте* или *арийне* «конечно, несомненно», *балким* «вероятно» и др., выражают «субъективно-объективные отношения человека к явлениям действительности и их связям»² и должны быть выделены в особую часть речи в киргизском языке.

Выделение модальных слов, кстати, облегчает вопрос о рассмотрении в системе частей речи еще и частиц. Таковы, например: *го* «ведь!», частица ограничения *эле*, омонимичная частица *эле*, которая участвует в образовании форм прошедшего времени, отрицание *эмес*, частица понуждения *чы* (*барчы* «види-ка») и вопросительная частица *-бы*, которая подчиняется законам сингармонизма и отличается от аффикса только тем, что не принимает ударения. Поскольку в киргизском языке есть ряд аффиксов, не принимающих ударения, то вполне правомерно эту частицу *-бы* рассматривать как аффикс.

Вполне обоснованно многими авторами (Б. Юнусалиевым, С. Кудайбергеновым) ставится вопрос о расчленении в системе построения киргизской грамматики двух частей речи: междометий и подражательных слов, поскольку подражательные слова обладают своими грамматическими особенностями, сочетаясь со специфическими, присущими им аффиксами. Например: *бүжүр* «горбун», *бүжүрөң* «движения сторбившегося человека»; *болчо-* «пыжиться», *болчоң-болчоң* «неуклюжие движения полного

¹ В связи с вопросом о наречии следует остановиться и на словах *бар* «есть, имеется» и *жок* «нет». Некоторые авторы рассматривают их как наречия. В действительности же они являются именами, так как могут сочетаться с аффиксами, присущими существительным. Ср.: *бар болгон* «все, что было», *колумда барым* «все то, что я имею; то, что есть в моих руках», *Кыраан Манас барында* «когда был зоркий Манас» и т. п. Или: *жокко ишенбе* «не надейся на то, чего нет; не надейся попусту», *жоктук* «отсутствие, неимение, бедность» и др. (см. «Киргизско-русский словарь К. К. Юдахина).

² «Современный русский язык. Морфология. (Курс лекций)», под ред. В. В. Виноградова, М., 1952, стр. 405.

или грузного человека, увальня»; *моөрө*-«мычать», *маара*-«блехать», *кый-кыр*-«кричать», *ышкыр*-«свистеть» и мн. др.¹

Не вызывает никакого сомнения и существование в тюркских языках союзов, которые нашли свое выражение во всех грамматиках.

В школьных и описательных грамматиках всех тюркских языков раздел глагола построен по наклонениям или по категориям времени. В то же время эти категории наклонения и времени выражаются различными отглагольными образованиями, например так называемыми причастиями. При этом одна и та же форма описывается дважды и как две различные категории. Так, при описании прошедшего субъективного (или прошедшего недатированного) авторы оперируют аффиксом *-ган*, который рассматривается как показатель изъявительной или чистой глагольной формы (*алганмын* «я брал, взял», *келгенсиң* «ты когда-то пришел, приходил» и т. п.). Далее, при рассмотрении типов отглагольных образований в школьной грамматике киргизского языка упоминается об употреблении образования на *-ган* перед существительными, когда это образование выступает в значении причастия (*келген киши* «пришедший человек»), а при изложении сведений о членах предложения учащимся даются примеры, в которых образование на *-ган* (обычно, с притяжательными аффиксами) выступает в значении не причастия, а имени действия. Ср.: *алганым* «то, что взято мною» (в переносном значении — «муж», «жена»), *айтканың келсин!* «пусть сбудется то, что ты сказал (сказанное тобой)». Одно и то же морфологическое образование в школьной практике разрывается между тремя частями речи.

Точно так же деепричастия на *-а* и *-ын* то рассматриваются в разделе о категориях времени (при анализе образований типа *жазамын* «я пишу», *жазыптырсы* «оказывается, ты тогда писал» и т. п.), то выделяются далее в самостоятельный раздел. Очевидно, что система изложения глагола нуждается в пересмотре и в учебниках может быть представлена в следующем виде: сначала необходимо охарактеризовать категорию залога, затем выделить типы отглагольных образований, а потом уже перейти, опираясь на эти типы, к характеристике вида, наклонений и спряжения. Как показал В. А. Гордлевский, от глагола в тюркских языках образуются причастия, деепричастия и отглагольные существительные и прилагательные². Однако для киргизского и ряда других тюркских языков содержание категории «причастий» должно быть пересмотрено, так как образования на *-ган* и *-ар* по своему значению выходят за пределы причастий и выступают в значении как чистых глаголов, так и имен действия (см. примеры, приведенные выше). Ср.: *келермин* «я, может быть, приду», *келер жыл* «будущий год», *анын келери менен* «с его приходом».

С отнесением образований на *-ган* и *-ар* к тому или иному ряду слов (к причастиям, чистым глаголам, именам действия и т. п.) связана и классификация некоторых типов предложений киргизского языка. Так, рассматривая в школьной практике эти образования как чистые глагольные формы, предложения вроде *сабак бүткөндөн кийин биз театрга бардык* «после окончания урока мы пошли в театр» считают сложными, тогда как они относятся, конечно, к простым распространенным.

Отмеченный тип отглагольных образований, в школьной грамматике киргизского языка неудачно названный «атоочтук» (т. е. именным гла-

¹ Обзор словообразовательных средств киргизского языка, присущих подражательным словам, дан С. К у д а й б е р г е н о в ы м в автореферате канд. дисс. «Подражательные слова в киргизском языке» (М., 1953).

² См. Вл. Г о р д л е в с к и й, Грамматика турецкого языка. (Морфология и синтаксис), М., 1928.

голом)¹, нуждается в пересмотре, так как содержит различные по значению формы, например на *-ган* и *-уучу* (типа *жазуучу* «писатель»). В то же время к этому разряду не отнесено образование на *-ар*.

Категория вида, существующая в тюркских языках, образуется путем сочетания деепричастной формы основного глагола со вспомогательным. Например: *чүшүдүм* «я мерз, замерз», *чүшүп болдум* «я совсем замерз», *чүшүп турдум* «я мерз»; *келди* «он пришел, приходил», *келип турду* «он захаживал», *келип калды* «он пришел» и др.

До сего времени в грамматиках по киргизскому языку выделялись два вида: совершенный и несовершенный. Однако многообразные сочетания основных и вспомогательных глаголов характеризуют собою иные оттенки действий. Видовые категории тюркских глаголов характеризуются длительностью или мгновенностью (эпизодичностью) действия [ср.: *иштейт* «работает вообще», *иштеп келе жатат* «работает» (в определенном отрезок времени)], многократностью (*ат* «стреляй», *аткыла* «постреливай»), направленностью действия (*сатып алдым* «я купил для себя», *сатып бердим* «я продал») и др. В образовании видов участвуют деепричастные формы и вспомогательные глаголы.

Хотя исторически различные категории времени в тюркских языках выражались спрягаемыми «причастными» формами, однако с точки зрения норм современного киргизского языка они образуются преимущественно либо от форм на *-ган*, *-ар*, либо от деепричастий (*жазасың* «ты пишешь», *жазылсың* или *жазылтырсың* «ты, оказывается, писал тогда»).

При описании типов отглагольных образований авторы руководств по киргизскому языку исходят из глагольного корня или глагольной основы. Что же касается образования на *-уу*, *-үү*, *-оо*, *-өө*, часто именуемого инфинитивом или формой неопределенного наклонения, то оно должно в большей степени рассматриваться как отглагольное имя. Ср.: *окуу* «1) учиться, 2) учеба», *окуу китеби* «учебник». Здесь определяемое имя сочетается с притяжательным аффиксом, как при наличии перед ним определения, выраженного существительным (второй тип изафета). Образование же на *-мак*, выступающее в других тюркских языках в роли инфинитива, в киргизском языке должно быть отнесено к модальным формам (неопределенную форму не образует). Ср. *жазмак* или *жазмакчы* «он намерен писать» и т. п.

*

Спорные вопросы описательной грамматики киргизского языка относятся главным образом к выбору критерия для классификации частей речи и установлению граней между ними. Успешное разрешение этой задачи зависит от степени изучения фактов в сравнительно-историческом аспекте по всем языкам тюркской группы, с широким привлечением данных по основному словарному фонду и по грамматическим средствам.

Классификация частей речи киргизского языка должна строиться, исходя из этого, на учете двух критериев — смыслового и морфологического, из которых второй является главным и решающим.

Как уже указывалось, в тюркских языках корневые слова, да и некоторые производные образования, т. е. основы, обладают способностью заменять другие части речи (см. выше о гранях между существительными и относительными прилагательными, а также между прилагательными и наречиями образа действия). Поэтому применение одного лишь смысло-

¹ Д. И с а е в, Грамматика киргизского языка, ч. I — Фонетика и морфология, Фрунзе, 1951 (на кирг. языке).

вого критерия не даст ожидаемого эффекта. Так, изолированно взятое слово *ой* может с этой точки зрения выражать и глагол (*ой* «углубляй, выдалбливай»), и существительные [*ой* «1) низина, впадина, котловина, 2) мысль»], хотя в действительности здесь мы имеем дело с омонимами.

Только в сочетании исследуемого слова с другими частями речи возможно применить смысловой критерий (ср. *кашык ой* «выдалбливай ложку» и *ой болуп калган жер* «котловина»), но и этот прием оправдывает себя лишь в пределах установления границы между именами и глаголами. Для разграничения же различных подклассов имен он оказывается не всегда пригодным. Поэтому решающим признаком для определения принадлежности слова к той или иной части речи является морфологический показатель (возможность сочетания слова с теми или иными, присущими лишь определенной части речи, словообразовательными и словоизменятельными аффиксами). Например, аффикс *-чы* сочетается с существительными, но к прилагательным не присоединяется, а потому, поскольку возможно *темирчи* «кузнец», в словосочетании *темир жол* «железная дорога» *темир* выступит в качестве существительного, а не прилагательного. Подобно этому *ой* в сочетаниях *ойгон* «выдалбливай» или *оюу* (= *ойуу*) «выдалбливать» и т. п. является глаголом, так как сочетается с типичными для глаголов аффиксами *-ган*, *-уу* и др. Наоборот, в сочетании *ойго* «в котловину» налицо существительное. Что же касается синтаксических функций, то они не могут быть приняты в расчет при классификации, так как почти каждая знаменательная часть речи в тюркских языках может выступать в роли различных членов предложения.

*

Предложенная вниманию читателей схема носит рабочий характер. Дальнейшее, более углубленное сравнительное изучение тюркских языков позволит внести в нее соответствующие уточнения и дополнения.